

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
PHILOSOPHICAL HERITAGE AND MODERNITY

**Маркс и Кант: исторический материализм
в поисках теории морали**

*В.В. СИДОРИН**

***СИДОРИН Владимир Витальевич** – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

В статье рассмотрена попытка синтеза марксистского подхода и неокантианства, представленная работами К. Форлендера, К. Шмидта, Л. Вольтманна, Э. Бернштейна и др. Ее реализация осуществлялась в контексте дискуссий о необходимости и возможности представить моральную теорию, дополняющую социалистическую, социальную и политическую философию и, вместе с тем, противостоящую прежней “метафизике нравов” и теистическим оправданиям нравственности. Показано, что неокантианское движение в социализме, обычно связываемое со стремлением обосновать социалистический идеал с помощью концептов и принципов кантианской этики, в действительности было гораздо шире и стремилось использовать для “философии социализма” и теории познания, и философско-исторические и социально-философские воззрения немецкого мыслителя, и общий критический пафос его творческого наследия.

Ключевые слова: исторический материализм, теория морали, философия И. Канта, неокантианство, К. Форлендер, Л. Вольтман, К. Шмидт.

DOI: 10.31857/S086904990012624-8

Цитирование: Сидорин В.В. (2020) Маркс и Кант: исторический материализм в поисках теории морали // Общественные науки и современность. № 6. С. 136–145. DOI: 10.31857/S086904990012624-8

Работа выполнена в рамках реализации проекта “Феномен зла: от метафизики к теориям морали” при финансовой поддержке РНФ (проект № 19-18-00441).

Marx and Kant: Historical Materialism in Search of a Theory of Morality

*Vladimir V. SIDORIN**

***Vladimir V. Sidorin** – The Department of history of Russian philosophy, Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

The article considers an attempt to synthesize the Marxist approach and Neo-Kantianism, represented in the works of K. Vorländer, C. Schmidt, L. Voltmann and E. Bernstein. These attempts were made in the context of discussions about the necessity and possibility of elaborating a moral theory that complements socialist, social and political philosophy and, at the same time, opposes the former “metaphysics of morals” and theistic justifications of morality. It is shown that the Neo-Kantian movement in socialism, usually associated with the desire to justify the socialist ideal using concepts and principles of Kant’s ethics, was in fact much broader and included attempts to use the theory of knowledge, the philosophical-historical and social-philosophical views of the German thinker and the general critical pathos of his creative heritage.

Keywords: historical materialism, moral theory, I. Kant’s philosophy, Neo-Kantianism, K. Vorländer, L. Woltman, C. Schmidt.

DOI: 10.31857/S086904990012624-8

Citation: Sidorin V. (2020) Marx and Kant: Historical Materialism in Search of a Moral Theory. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 136–145. DOI: 10.31857/S086904990012624-8

Ни один историко-философский феномен не менял – в предельно сжатые по историческим меркам сроки – материальное бытие и сознание людей так интенсивно, как это удалось сделать марксизму за последние полтора столетия. В значительной части этих изменений он стал не столько источником вдохновения, сколько точкой отталкивания, как это произошло, например, в случае становления многих социологических и экономических концепций, успехов западной социал-демократии. Облик современной философии с ее вниманием к практической действительности в немалой степени был сформирован революцией, которую осуществил К. Маркс в понимании самой сущности философского мышления. Замена функционального ядра философского мышления и ее многочисленные и многообразные результаты предопределяют интерес к историко-философскому феномену марксизма. Интерес не угасает, хотя, как показывает история последних десятилетий, и подвержен определенным конъюнктурным колебаниям. Особенно актуальна проблема превращения марксизма как историко-философского феномена в объект и предмет беспристрастного исследования в российском интеллектуальном пространстве в силу того фундаментального влияния, которое он оказал на исторические судьбы и пути России¹.

Вместе с тем развернувшиеся в начале XXI в. дискуссии вокруг движения нового атеизма в определенной степени реанимируют и интерес к дискуссиям рубежа XIX–XX вв. по проблеме атеистического обоснования этики. Проблемы и перспективы последнего во многом предопределили переход на позиции философского идеализма значительной части мыслителей так называемого “легального марксизма”. С. Булгаков на раннем этапе своего творчества способствовал распространению и укреплению в России марксистского дискурса, но затем настаивал на его неудовлетворительности с философской точки зрения. Философ указывал, что этическую проблему современность выдвигает в качестве основополагающей, но именно здесь атеизм принципиально бессилен: например, проблеме теодицеи, по его мнению, невозможно разрешить в контексте атеистического мировоззрения, а устранить только на путях метафизического и религиозного синтеза [Булгаков 1902; см. также Бердяев 2009].

¹ Характерно, хотя и вполне объяснимо, что за 30 лет, прошедших с известных событий, на русском языке не было создано ни одного более или менее полного очерка, не говоря уже о фундированном исследовании, посвященного истории данной философской традиции. Единственно существующая на русском языке обзорная литература такого рода ограничивается либо идеологизированным рассмотрением “классического периода” марксизма и советским марксизмом, выступающим в качестве единственного законного наследника, либо немногочисленной переводной литературой, посвященной западному или, наоборот, русскому марксизму работам [Андерсон 2016; Карпи 2016].

В классическом марксизме этическая проблематика не входила в круг существенных для К. Маркса и Ф. Энгельса тем: конструируя концепцию, претендующую, как им казалось, на научность, оба мыслителя не считали необходимым особо останавливаться на этической компоненте своей системы и даже прямо отрицали ее наличие. Наиболее показателен здесь – знаменитый фрагмент из “Немецкой идеологии” о том, что “коммунисты вообще не проповедают никакой морали” [Маркс, Энгельс 1955]. Мораль – наряду с “чистой” теорией, правом, теологией, философией и др. – интерпретируется в этой ранней работе как формы сознания, результат фактически мнимой эмансипации сознания от мира, ставшей в свою очередь возможной с появлением действительного разделения материального и духовного труда [Маркс, Энгельс 1955]. Задача, согласно молодым Марксу и Энгельсу, и состоит в том, чтобы показать: все эти формы суть производные от процесса материального производства.

Позже, однако, Энгельс уже более развернуто, но все же в предельно кратком пассаже в “Анти-Дюринге”, обрисовывает свою позицию, что, впрочем, скорее еще более затемняет суть дела. С одной стороны, он продолжает настаивать на том, что мораль существовала только в исторических формах, и эти последние есть результат классовой борьбы, а “всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения обществ”. С другой стороны, здесь же Энгельс утверждает наличие “действительно человеческой морали”, которая станет возможной только после полного преодоления классового антагонизма [Маркс, Энгельс 1961]. Победа человеческой морали объявляется, таким образом, делом будущего. В этом же кратком отрывке Энгельс оговаривается, что, с его точки зрения, в морали, как и в других областях человеческого познания, несомненен прогресс. Возникает вопрос о возможном субъекте данного прогрессивного развития и каким образом признание нравственного прогресса соотносится с утверждениями о классовой обусловленности моральных теорий и их параллельном друг другу существовании.

Маркс – по словам Энгельса в предисловии ко второму изданию “Анти-Дюринга”, написанном в 1885 г., – был полностью знаком с текстом: рукопись прочитана ему перед отправкой в печать. Это подразумевало, с точки зрения Энгельса, согласие Маркса со всеми положениями текста. Как бы то ни было, у самого Маркса также можно найти утверждение – пусть и не в теоретической работе, а в документе ярко выраженного политического характера – о неких “простых законах нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица” [Маркс, Энгельс 1960]. Следует учитывать, очевидно, и лежащие в основе марксовского гуманизма времен “Философско-экономических рукописей 1844 года” универсалистские моральные предпосылки.

Таким образом, этическое измерение классического марксизма было сформировано двумя плохо согласующимися друг с другом полюсами: своеобразным редукционизмом моральной проблематики и моментами, которые могли быть интерпретированы как признание неких универсальных, внеисторических нравственных императивов. Место последних при этом оказывается проблематичным в рамках марксистской социологии и политической теории. Соотношение этих двух позиций также оставалось неясным, что усугублялось тем обстоятельством, что каждая из них была лишь кратко обозначена Марксом и Энгельсом.

Политическое действие не может, однако, не быть сопряжено с определенной этической позицией. Характерно, что актуализация и концептуализация моральной проблематики началась со всей полнотой уже в первом после Маркса поколении немецкой социал-демократии. Неоднородность классического наследия марксизма, пронизанного влияниями системы Гегеля и философией Фейербаха, оставляло своеобразный веер возможных реализаций которых зависела от выбранной интерпретации марксизма и протекала в ожесточенной теоретической полемике и политической борьбе рубежа XIX–XX вв.

Проблематичность изначальной теоретической ситуации не могла рано или поздно не быть однозначно интерпретирована либо в духе социологического редукционизма, претендующего на ортодоксальное следование духу и букве классического наследия (P. Lafargue, F. Mehring), либо как концептуальный вакуум, который должен быть заполнен. Наиболее известными попытками такого рода и стали дарвинистское К. Каутского и попытка синтеза марксистского подхода и неокантианства в работах К. Форлендера, К. Шмидта, Л. Вольтманна, Э. Бернштейна и др. Подобные трактовки осуществлялись в контексте дискуссий о необходимости и возможности представить моральную теорию, дополняющую социалистическую социальную и политическую философию и, вместе с тем, противостоящую прежней “метафизике нравов” и теистическим оправданиям нравственности.

Как правило, в научно-исследовательской литературе неокантианское движение в социализме связывается с попыткой обосновать социалистический идеал с помощью концептов и принципов кантианской этики. В действительности движение было гораздо шире и включало возможности использования для “философии социализма” и теории познания, и философско-исторические и социально-философские воззрения немецкого мыслителя.

Этическое обоснование социализма с помощью концептуального и идейного наследия неокантианства принято связывать с творческим наследием Г. Когена. Философ, решительно выступив против натуралистического обоснования социалистического политического идеала, настаивал на этическом идеализме как его основании [Cohen 1896]. Однако наибольший отклик (как сочувственный, так и полемический) в немецких социал-демократических – и соответствующих отечественных – кругах вызвало творчество К. Форлендера, попытавшегося в ряде работ представить детальное обоснование социализма с помощью неокантианских идей (“Kant und Sozialismus”, 1900; “Die neukantische Bewegung im Sozialismus”, 1902; “Marx und Kant”, 1904; “Kant und Marx: ein Beitrag zur Philosophie des Sozialismus”, 1911).²

Изначально отрицательное отношение к философии Канта в марксистских и – говоря шире – социалистических кругах Форлендер объясняет историко-генетическим контекстом появления марксистской философии – влиянием Гегеля. С его точки зрения, это сформировало две характерные для марксизма черты – элиминирование этического элемента и неверное представление о метафизической нагруженности кантовской практической философии. Несмотря на то, что первоначально социализм вдохновлялся именно нравственными идеалами и принципами, Маркс и Энгельс, выросшие из гегельянства, не интересующегося самостоятельной этикой, придали ему совершенно иной характер.³ Что касается второго момента, то, с точки зрения Форлендера, он основан на неверной интерпретации кантовского наследия. Ключевое место здесь занимает критический метод немецкого философа, в то время как постулаты о Боге, свободе и бессмертии не являются существенными частями кантовской этики. Противоположную точку зрения отстаивал видный деятель немецкой социал-демократии К. Шмидт, полагавший, что «современный социализм со своими “чисто натуралистическими” взглядами, чуждыми всякой метафизики и всякой религии, в своих последних основаниях совершенно противоположен практической философии Канта» [Schmidt 1900]. Он предполагал, что социалистический

² Работы Форлендера были широко известны и в отечественных философских кругах социал-демократической ориентации. См.: Форлендер К. Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме. М.: Пульс жизни, 1907; Он же. Современный социализм и философская этика. М.: Пульс жизни, 1907; Он же. Неокантианское движение в социализме. М.: Пульс жизни, 1907; Он же. Кант и Маркс. Очерки этического социализма. СПб.: Наша жизнь, 1909; Он же. Этика как основание социализма (Кант и Маркс). Ч. 1. СПб., 1913.

³ Примечательно, что несколько позже ответственность за отсутствие в марксизме этики возложил на Гегеля и один из самых известных представителей следующего поколения марксистов-философов Г. Лукач [Лукач 2008].

политический идеал может быть подкреплен философией истории немецкого мыслителя (об этом пойдет речь ниже).

Форлендер в полемике со Шмидтом указывал, что в социально-политическом и философско-историческом наследии Канта можно найти множество точек соприкосновения с политической философией социализма. Рассматривая это вопрос в целой серии работ, он сводит эту близость к пяти основным моментам. Во-первых, Кант рассматривает закономерный ход истории, представляя ее как поступательное, хотя и медленное развитие первоначальных задатков. Иными словами, пытается создать теорию исторического развития с чисто научной точки зрения, что до определенной степени сближает его с основным пафосом Маркса. В первую очередь Форлендер апеллирует к трактату “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане”.⁴ Во-вторых, обращает внимание, что в “Предполагаемом начале человеческой истории” есть рассуждения о “труде и раздоре”, а в “Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане” – моменты, посвященные антагонизму как важнейшей характеристике общественных отношений, что определяет пролог грядущего совершенного гражданского объединения человеческого рода – моменты, которые якобы можно было интерпретировать как своеобразное предчувствие ключевого для марксистской социальной философии подхода [Кант 1994^d; Кант 1994^a]. При этом Форлендер, правда, оговаривается, что данный антагонизм носит у Канта “не экономический характер, а характер психологических стремлений” [Форлендер 1913].

В-третьих, в рассуждениях Канта об эгоистических стремлениях людей, приводящих к экономическому неравенству, эксплуатации и их историческому значению, обнаруживается своеобразное предвосхищение экономического материализма вообще и марксистской теории классовой борьбы в частности. Именно таким образом, например, оценивается § 83 “Критики способности суждения”, посвященный человеку – разумному существу, способному ставить себе цели, то есть творить культуру – как последней цели природы: “... большинство людей совершает все необходимое в жизни как бы механически, не нуждаясь для этого в особом искусстве, для удобства и досуга тех, кто занят в менее необходимых областях культуры, в области науки и искусства и осуществляет над остальными гнет, оставляя на их долю тяжелый труд и скудные удовольствия, хотя и на этот класс постепенно отчасти распространяется культура высшего класса. Но страдания... увеличиваются для обеих сторон – для одной вследствие осуществляемого насилия, для другой – в результате внутренней неудовлетворенности...” [Кант 1994^b].

В-четвертых, важнейшей точкой соприкосновения кантовской системы и марксизма Форлендер считает их демократизм и принципиально антимакиавеллистский пафос в философии политики. В-пятых, его внимание привлекает и затронутая Кантом в учении о праве проблема первоначального общности земли, разрешаемая на основе провозглашения конституированного самой природой и предшествующего всем юридическим актам права людей на землю [Кант 1994^c].

С точки зрения Форлендера, речь идет только “о более или менее подходящих моментах”, и говорить о (прото)социалистической ориентации данных аспектов кантовской философии не приходится в силу принципиально индивидуалистического в своей основе тона философии Канта и ключевого значения, которое философ придавал идеалу правового равенства, из чего проистекало его довольно “спокойное отношение” к проблеме экономического неравенства [Форлендер 1913]. Значим и своеобразный политиче-

⁴ Формулируя замысел работы, Кант писал: “Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную *собственную цель*, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел *цель природы*, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы. Посмотрим, удастся ли нам найти путеводную нить для такой истории, и тогда предоставим природе произвести того человека, который был бы в состоянии ее написать” [Кант 1994^a].

ский реализм немецкого философа, заставлявший его при всей решительности в оценке значения свободы отодвигать сам акт освобождения в далекое будущее. Любопытно отметить эволюцию самого Форлендера в общей оценке направленности политической философии Канта. В более ранней работе “Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме” он объяснял ее очевидный либеральный пафос историческими обстоятельствами формирования, настаивая, что свобода и право оказывались в центре внимания немецкого мыслителя в силу контекстуально значимого противостояния полицейскому государству и сословному обществу.

Сама же кантовская этика из-за присущего ей формализма и, соответственно, интенции всеобщности, характеризовалась им как принципиально общественная в своей основе [Форлендер 1907]. Впрочем, для самого Форлендера кажущаяся противоположность в оценке политического наследия Канта была мнимой и не принципиальной: как и многие другие представители левого либерализма, популярного в неокантианских кругах, он полагал, что либеральная политическая теория и практика не только исторически, но и логически ведут к социализму [Форлендер 1909].

На самом деле близость кантианской философии к социализму лежит, с точки зрения Форлендера, в области этического. Если наука направлена на обеспечение единства мышления, то есть на устранение противоречий из области мысли, то этика должна устранить противоречия в области воления и поступков. Таким образом возможно осуществление социалистического политического идеала, и этика как таковая необходимо имеет социальный характер. Формальный характер кантовской этики позволяет ей выступить в качестве всеобщего принципа разрешения подобных противоречий, соотнося индивидуальное воление с общей целью и превращая формализм этики Канта в ключевую общественную и историческую силу⁵. Он же обеспечивает и возможность инкорпорации кантовской этики в исторический материализм с его основополагающим положением об историчности форм нравственности: содержание нравственных норм может меняться, однако роль нравственного императива как принципа всеобщего законодательства остается неизменной.

Формулы категорического императива, определяющие человека как самоцель, Форлендер интерпретирует как яркие примеры гуманизма и солидаризма, определяющие также и основы социалистического учения. Именно солидаризм и формализм как якобы ключевые концепты кантовской этики позволяли ему настаивать на сущностной методологической, а не случайной связи этической системы немецкого мыслителя и социализма.

Подобная позиция вызвала существенные возражения со стороны многолетнего корреспондента Ф. Энгельса К. Шмидта. С его точки зрения, кантовская этика обладает концептуальными изъянами, не позволяющими использовать ее в качестве средства философского обоснования социализма. В своей критике Шмидт исходит фактически из прямо противоположной – по сравнению с Форлендером – интерпретации этики Канта. Во-первых, он оспаривает социальный характер и безусловность кантовской практической философии. С его точки зрения, пресловутый формализм этики Канта представляет собой вершину его рационализма и не учитывает реальное нравственное сознание, как бы вырывающая процесс формирования морального суждения из контекста естественных социальных связей, в котором он неизбежно протекает и которое его определяет [Schmidt 1900].

Оценка морального потенциала той или иной максимы воли производится моральным субъектом – членом общества, то есть участником реальных взаимосвязей людей. Нравственное сознание, таким образом, всегда оказывается производным от обществен-

⁵ Защите формализма кантовской этики и обоснованию его потенциала в социальной философии была посвящена и докторская диссертация К. Форлендера [Vorländer 1893].

ного интереса, который и лежит в основе чувства долга и нравственных обязательств. Категорический императив, иными словами, оказывается не результатом тщательного анализа реального нравственного сознания, а своеобразным постулатом, “фетишем”.

Во-вторых, Шмидт настаивает на метафизичности кантовских построений, в которых категорический императив – “постулат” – оказывается отправной точкой для развития других постулатов практического разума. В конечном счете кантовская попытка создать самостоятельную, независимую от религии метафизику нравственности потерпела, в оценке Шмидта, неудачу, лишь доказав невозможность подобного мероприятия.

Искусственность и метафизичность этических построений Канта не оставляет, по его мнению, никаких возможностей использовать их в качестве философской опоры социализма. Иначе обстоит дело с философией истории, представленной Кёнигсбергским мыслителем в “Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане” и имеющей, с точки зрения Шмидта, ярко выраженную “резво-реалистическую” тенденцию, которую не может затемнить даже принципиально телеологическая установка Канта [Schmidt 1903]. Оптимизм кантовской телеологии не препятствует казуальному рассмотрению исторического процесса и, более того, служит, быть может, одним из самых действенных ее рычагов. Но главное, что делает точку зрения Канта реалистичной и отделяет ее от “пустого идеализма” – внимание, которое немецкий мыслитель уделяет антагонизму как деятельному началу общественного развития. Кант, по мнению Шмидта, представил смелую попытку синтетически обобщить представления об антагонистическом характере общественного развития. В его концепции эта идея была представлена в абстрактном виде, тем самым он как бы предвосхитил основополагающую идею материалистического понимания истории, раскрывающего этот антагонизм в области его наиболее явного и непосредственного проявления – в сфере экономических отношений. Именно в экономике гораздо четче, чем в политической сфере, которая хоть и управляет экономическими отношениями, но куда больше, чем последняя, подвержена влиянию непредсказуемых случайностей, можно проследить ход прогресса, обеспечивающегося антагонистической борьбой различных интересов. Политический идеал Канта, в представлении Шмидта, носит исторический характер. Ограниченный при этом основополагающий принцип политической и философско-исторической концепции немецкого мыслителя – свободное развитие всех и каждого, провозглашаемое как намерение природы, тем не менее не только верен, но и постепенно реализуется. Действительное его воплощение Шмидт связывает исключительно с возникновением и развитием социалистических форм общественной организации.

Весьма специфическую и крайне эклектичную систему воззрений представил на рубеже XIX–XX вв. Л. Вольтман, также пытавшийся соединить в своей системе неокантианство, дарвинизм и некоторые идеи исторического материализма. При этом, в отличие от Шмидта и Форлендера, акцентировавших внимание, соответственно, на философии истории и этике Канта, Вольтмана прежде всего интересовала кантовская теория познания. Свои взгляды он представлял как синтез трех – теоретико-познавательной, естественно-исторической и социально-научной – точек зрения. Кантовский категориальный аппарат оказывается для Вольтмана условием познания, а следовательно, предопределяет и делает возможным и действия морального субъекта в нем – логическое “Я” оказывается необходимым условием “Я” морального: “Двенадцать кантовских категорий, как высшие формы понимания, лежат в основе как научного познания явлений природы, так и морального понимания человеческих действий... Логическая функция имманентна моральному сознанию...” [Вольтман 1901^a]. При этом логическое единство человечества выступает условием и гарантом единства его культурного развития. С точки зрения Вольтмана, концепция Дарвина здесь существенно дополняет кантовскую философию: с одной стороны, она якобы раскрывает процесс становления сознания, которое немецким мыслителем бе-

рется как изначально существующее, а с другой – позволяет объяснить и развернуть идею единства духовного развития на основе соответствующего физического единства человечества, продиктованного общностью происхождения. Исторический материализм, в свою очередь, призван раскрыть единство исторического и механизмы его развертывания. Это “генетическое рассмотрение” морального сознания и человеческой истории, по идее Вольмана, и обеспечивает переход от теоретической к практической философии, у самого Канта оставшийся, по его мнению, совершенно искусственным.

Как и Форлендер, Вольман исходит из того, что изначально отрицательное отношение марксизма к Канту предопределено лишь влиянием гегелевской философии, то есть историческими особенностями генезиса концепции исторического материализма, которые как таковые должны быть преодолены. Рассматривая процесс происхождения марксистской концепции из немецкой классической философии, Вольман настаивает, что методологически она существенным образом связана с системой Канта. Категории и метафизические идеи последней – в частности, телеология – рассматриваются исключительно как регулятивные принципы. Идея материалистического понимания истории как сущностное зерно марксизма Вольман интерпретирует как аналогичный кантовскому регулятивный принцип – априорный и телеологический момент, неизбежный из-за специфики познавательной способности человека: “Регулятивная идея возникает в исследующем человеческом духе, как формальный способ реакции рассудка на неупорядоченную массу впечатлений естественно-исторического и социально-исторического материала” [Вольман 1901^b].

В этом отношении критика Марксом политической экономии основана, с его точки зрения, на дедукции. Кроме того, Марксова критика предполагает не только определенную методологическую, регулятивную идею истории, но и такие “формы сознания”, как “идеал” и “совершенствование”. С точки зрения Вольмана, это позволяет сделать вывод о том, что в генезисе марксистской философии система Канта играет одну из ключевых ролей, определяя вместе с тем и критическое отношение Маркса к философии Гегеля, интерпретируемое как “возвращение к учению Канта, хотя сам Маркс не ясно сознавал эту принципиальную связь” [Вольман 1901^b].

Следует упомянуть, что кантовская философия была одним из главных источников воззрений Э. Бернштейна, полагавшего, что обновление марксизма в изменившихся социально-политических и экономических обстоятельствах должно быть начато с проверки его положений на предмет догматических элементов, в чем критический пафос Канта оказывается незаменимым [Бернштейн 1906]. Разделял Бернштейн и характерное для неокантианских кругов негативное отношение к гегелевской диалектике – по его мнению, умозрительной схеме, которая необоснованно революционизировала политическую мысль Маркса и Энгельса. Левое неокантианство, таким образом, не только породило ряд теоретических дискуссий, но и в определенной степени предопределило дальнейшие исторические судьбы мировой социал-демократии.

Изначально возникнув как теоретическая реакция на отсутствие в марксистской концепции этического элемента, левое неокантианство стремилось дополнить историко-материалистический подход теорией морали, представляя, таким образом, очередную – наряду, например, с психологистическими и эволюционистскими подходами – возможность решения проблемы атеистического обоснования этики, свободного от метафизических и теистических предпосылок. Вместе с тем подобная попытка, выявив принципиально различные подходы к вопросу об использовании кантовской системы для философского обоснования социалистического идеала общественного устройства, породила бурные дискуссии. Безусловно, такой предмет обсуждения представит небезынттересную страницу истории рецепции кантовского наследия в последующем развитии мировой философской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон П. (2016) Размышления о западном марксизме. М.: Common place.
- Бердяев Н.А. (2009) Этическая проблема в свете философского идеализма // Манифесты русского идеализма / сост. и комм. В.В. Сапова. М.: Астрель. С. 97–134.
- Бернштейн Э. (1906) Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб.: В. Врублевский.
- Булгаков С.Н. (1902) Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (61). С. 826–863, 845.
- Вольтман Л. (1901^a) Исторический материализм. Изложение и критика марксистского мирозерцания. СПб.: Издание Зябицкого и Пятницкого.
- Вольтман Л. (1901^b) Система морального сознания в связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму. СПб.: Издание Зябицкого.
- Кант И. (1994^a) Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М.: Чоро. С. 12–28.
- Кант И. (1994^b) Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 5. М.: Чоро.
- Кант И. (1994^c) Метафизика нравов // Кант И Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: Чоро. С. 223–543.
- Кант И. (1994^d) Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М.: Чоро. С. 72–88.
- Карпи Г. (2016) История русского марксизма. М.: Common place.
- Лукач Г. (2008) Тактика и этика // Лукач Г. Ленин и классовая борьба / сост. и пер. С.Н. Земляной. М.: Алгоритм. С. 56–65.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961) Анти-Дюринг // Соч. Т. 20. изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы. С. 5–338.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // Соч. Т. 3. изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы. С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1960) Учредительный манифест Международного товарищества рабочих // Соч. Т. 16. изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. Литературы. С. 3–11.
- Форлендер К. (1909) Кант и Маркс. Очерки этического социализма. СПб.: Наша жизнь.
- Форлендер К. (1907) Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме. М.: Пульс жизни.
- Форлендер К. (1913) Этика как основание социализма (Кант и Маркс). Ч. 1. СПб.: Труд.
- Cohen H. (1896) Einleitung mit kritischem Nachtrag // Lange F.A. Geschichte des Materialismus. 2. Buch. 5. Aufl. Leipzig: Baedeker. S. XV–XXVI.
- Schmidt C. (1900) Sozialismus und Ethik // Sozialistische Monatshefte. S. 522–531.
- Schmidt C. (1903) Über die geschichtsphilosophischen Ansichten Kants // Sozialistische Monatshefte. S. 683–693.
- Vorländer K. (1893) Der Formalismus der Kantischen Ethik in seiner Notwendigkeit und Fruchtbarkeit. Marburg, Universitäts-Buchdruckerei.

REFERENCES

- Anderson P. (2016) *Razmyshleniya o zapadnom marksizme* [Considerations of Western Marxism]. Moscow: Common place.
- Berdyayev N.A. (2009) *Eticheskaya problema v svete filosofskogo idealizma* [Ethical Problem in the Light of Philosophical Idealism]. *Manifesty russkogo idealizma* [Russian Idealism's Manifestos]. Moscow: Astrel'. pp. 97–134.
- Bernstein E. (1906) *Uslovia vozmozhnosti sotsializma i zadachi sotsial-demokratii* [The Preconditions of Socialism and Social-Democracy's Tasks]. St-Petersburg: V. Vrublevskii.
- Bulgakov S.N. (1902) Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”) kak filosofskij tip [Ivan Karamazov (in F. Dostoevsky's “The Brothers Karamazov”) as a Philosophical Character]. in *Voprosy filosofii i psihologii*, issue 1 (61), pp. 826–863.
- Cohen H. (1896) Einleitung mit kritischem Nachtrag in Lange F.A. *Geschichte des Materialismus*. 2. Buch. 5. Aufl. Leipzig: Baedeker, S. XV–XXVI.

Kant I. (1994^a) Ideya vseobshchej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [Idea for an Universal History with a Cosmopolitan Purpose]. Kant I. *Sobr. Soch.j v 8 tt.* vol. 8. Moscow: CHoro, pp. 12–28.

Kant I. (1994^b) Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment]. Kant I. *Sobr. Soch. v 8 tt.*, vol. 5. Moscow: Choro.

Kant I. (1994^c) Metafizika npravov [Metaphysics of Morals] in Kant I. *Sobr. Soch. v 8 tt.*, vol. 6. Moscow: CHoro, pp. 223–543.

Kant I. (1994^d) Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoj istorii [Conjectural Beginning of Human History]. Kant I. *Sobr. Soch. v 8 tt.*, vol. 8. Moscow: CHoro, pp. 72–88.

Karpi G. (2016) *Istoriya russkogo marksizma* [Russian Marxism's History]. Moscow: Common place.

Lukach G. (2008) Taktika i etika [Tactics and Ethics]. Lukach G. *Lenin i klassovaya bor'ba* [Lenin and Class Struggle]. Moscow: Algoritm, pp. 56–65.

Marx K., Engels F. (1961) Anti-Düring. in *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 20. 2-e izd. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury, pp. 5–338.

Marx K., Engels F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. *Sochineniya*. Vol. 3. 2-e izd. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury, pp. 7–544.

Marx K., Engels F. (1960) Uchreditel'nyj manifest Mezhdunarodnogo tovarishchestva rabochih [Inaugural Address of the Working Men's International Association]. *Sochineniya*. Vol. 16. 2-e izd. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury, pp. 3–11.

Schmidt C. (1900) *Sozialismus und Ethik in Sozialistische Monatshefte*. S. 522–531.

Schmidt C. (1903) *Über die geschichtsphilosophischen Ansichten Kants in Sozialistische Monatshefte*. S. 683–693.

Vorländer K. (1893) *Der Formalismus der Kantischen Ethik in seiner Notwendigkeit und Fruchtbarkeit*. Marburg, Universitäts-Buchdruckerei.

Vorländer K. (1913) *Etika kak osnovanie sotsializma (Kant i Marks)* [Ethics as a Foundation of socialism (Kant and Marx)]. Pt. 1. St-Petersburg: Trud.

Vorländer K. (1909) *Kant i Marks. Ocherki eticheskogo sotsializma* [Kant and Marx. Essays on Ethical Socialism]. St-Petersburg: Nasha zhizn'.

Vorländer K. (1907) *Kant i socializm. Obzor novejsih teoreticheskikh techenij v marksizme* [Kant and Socialism. A Review of the Latest Trends in Maxism]. Moscow: Pul's zhizni.

Woltman L. (1901^b) *Istoricheskij materializm. Izlozhenie i kritika marksistskogo mirosozercaniya* [Historical Materialism. Presentation and Criticism oft he Marxist Worldview]. St-Petersburg: Izdanie Zyabickogo i Pyatnickogo.

Woltman L. (1901^a) *Sistema moral'nogo soznaniya v svyazi s odnosheniem kriticheskoy filosofii k darvinizmu i socializmu* [The System of Moral Consciousness in Connection with the Relation of Critical Philosophy to Darwinism and Socialism]. St-Petersburg: Izdanie Zyabickogo.